

А.В. Бузгалин

Коммунизм:

новая Европейская мода или новая мировая практика?

(размышления в связи с «Размышлениями...» Славоя Жижека и не только)

Поводом для написания этого текста стала книга С. Жижека «Размышления в красном цвете»¹. Поводом не случайным: о коммунизме как практической повестке дня [для] левых я пишу уже более 20 лет, а Жижек мне интересен как один из очень немногих левых интеллектуалов Запада (он из Словении, но культурно *почти* западноевропеец), кто всерьез способен ставить проблемы коммунизма, кто может в чем-то позитивно использовать наследие Ленина, кто, наконец, всего лишь на 90% поглощен постмодернистским интеллектуальным «дискурсом» большинства левых Западной Европы и США. От последних Жижека отличает едва ли 10%, но именно их и не прощают Жижеку его коллеги по цеху и именно этим он интересен мне. Отсюда тема: Жижек в его «бытии-для-иного» – для постсоветского критического марксиста – или почему и как надо исследовать проблему коммунизма.

1. Жижек в его «бытии-для-иного»: коммунизм как актуальная проблема (вместо введения)

Стилистически и структурно новая книга Жижека походит на предыдущие работы этого автора, сохраняя всю столь характерную для него атрибутику. Он пишет так и о том, как и что он хочет даже не сказать, а говорить, размышляя вслух, вспоминая, находя любопытные ассоциации, примеры, обращаясь к предшественникам и коллегам, вставляя длинные и общеизвестные – но при этом уместные – цитаты из Маркса...

(Длинные фразы в скобках посреди моего текста – это то же от Жижека...).

Такой текст по форме вполне адекватен названию («Размышления...»; в буквальном переводе с английского – «рефлексии...») и явно предназначен для массового потребителя левой интеллектуальной литературы: это чтение неустойчивое (книга написана в легком, «играющем» ключе), занимательное (пересказы кинофильмов, стихи, поучительные примеры из современной политической жизни и малоизвестные исторические феномены, смешные анекдоты), познавательное (много интересных цитат из современных авторов и «ученых» слов, обращения то к Канту, то к Гегелю, то к Библии...). При этом все эти вставки не смотрятся украшениями: они «работают» на основную идею книги, но работают не-прямо и занимательно. В общем, можно с пользой провести время, сидя после лекций у себя в кабинете и потешить свое неудовлетворенное политическое либидо левака не вставая с мягкого дивана. В конце концов можно даже рассердиться, когда Жижек неопределенно, но р-р-радикально призовет интеллектуала к (о ужас!) дисциплине и действию.

При этом в книге нет ни серьезного анализа практики социальной борьбы последних десятилетий, ни сколько-нибудь вразумительных программно-политических выводов (они были бы не к месту в абстрактно-философском тексте, но ведь автор специально весь свой пафос критики направляет именно на политическую беззубость типичного западного левого интеллектуала). Зато много игры в определенную позицию. Впрочем, с точки зрения постмодерниста и того, что все же довольно определенно сказал Жижек, более чем достаточно, чтобы изгнать его из сонма «своих». А сказал Жижек немало такого, что заслуживает пристального внимания и уважения.

¹ Сл. Жижек. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Издательство «Европа», 2011.

В своем тексте я поступлю с этой книгой как типичный постсоветский ретроград: я (1) превращу этот *текст* в концепцию; (2) вопреки всем амбициям постмодернизма структурирую *ее*, и (3) постараюсь выделить в ней четкую логику решения интереснейшей *проблемы*, то и дела обнаруживающей себя в потоке жижекковского текста – проблемы (4) *коммунизма*. Это будет некоторое насилие над автором «Размышлений...». Насилие хотя бы потому, что эту логику я позаимствую из классического марксизма (у Жижека в книге встречается немало разных «марксов» и «марксизмов») советского образца. Не сталинского, критического, но советского и классического. При этом данное насилие над текстом Жижека будет обратным тому, что столь прельщало Ж.Делеза, желавшего сзади и в извращенной форме вывернуть автора на изнанку. Не верите? Прочитайте внимательно широко цитируемый отрывок Делеза (его не случайно воспроизводит В.Кутырев, но последний не делает столь жестких выводов, сколь мы): «В то время меня не покидало ощущение, - признается Делез в своем отношении к предшественникам, - что история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что тоже самое, непорочного зачатия и тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который притом оказался бы еще чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить»².

Я предлагаю нечто абсолютно иное: *прямой диалог двух субъектов*. И в этом диалоге я хочу показать, что Жижек как мыслитель это *еще и* интересное дополнение классической марксистской теории коммунизма как она складывается в рамках школы критического постсоветского марксизма.

Я в полной мере понимаю, что западного читателя и самого Славоя Жижека – если до них когда-либо случайно дойдет этот текст – этакое прочтение данной книги покоробит. И правильно покоробит: диалог, как его точно раскрыл Михаил Бахтин, предполагает распремечивание работы автора в ее (его) специфике, а не выуживание из него удобных для подгонки под твои идеи цитат. Но в то же время и не правильно: я не собираюсь ни по до что подгонять Жижека. Я хочу воспользоваться его интеллектуальными достижениями для развития нашего интеллектуального пространства, показав, *что можно увидеть в этом авторе с позиций современного постсоветского критического марксизма*. Разбором же Славоя Жижека как феномена «в себе и для себя» пусть занимаются другие. Тем более, что этот словенский автор на меня не обидится, ибо об этом просто не узнает: левая интеллектуальная Россия сейчас слишком глубокая периферия, чтобы обращать внимание на одного из ее представителей...

* * *

Я уже заметил, что само по себе внесение коммунизма в поле актуальных интеллектуальных проблем есть с точки зрения едва ли не большинства западных левых преступление. Или – если посмотреть с другой точки зрения – подвиг. И в этом смысле Славою Жижек - интеллектуальный герой. Без каких-либо шуток или постмодернистского ерничания.

Герой, ибо на Западе, несмотря на активно там пропагандируем академизм и беспристрастность даже в среде интеллектуалов понятие коммунизм большинством воспринимается как синоним... сталинской диктатуры и ГУЛАГов. Не то, чтобы они не знали, что теоретическое *понятие коммунизма так же далеко от практики репрессий в СССР как идеи христианства от практики инквизиции*. Нет, теоретически они это знают. Но практически отождествляют эту великую теоретическую парадигму с практикой партий, называвших себя коммунистическими в странах Мировой социалистической системы (в их терминологии – «коммунистическим блоком»).

² Кутырев В.А. Философия постмодернизма, Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии госслужбы, 2006, с. 22.

Но для большинства, не значит - для всех. Есть небольшая, но устойчивая и сильная интеллектуальная традиция в рамках троцкизма (среди его разных течений мне наиболее знакома и близка школа, идущая от Эрнеста Мандела и Даниэля Бенсаида), есть время от времени возникающие коммунистические интенции в рамках одной из сильнейших левых партий современной Европы – Левой партии ФРГ³, есть коммунистические интенции (иногда без этого самоназвания) в новых социальных движениях в Латинской Америке и Азии, много чего есть.

Жижек не случайно всего этого «не замечает», а если и замечает, то походя. Не случайно, ибо во всех этих случаях разговор о коммунизме ведется спокойно, всерьез, без анекдотов, экзальтаций и [псевдо?] философской игры в «контексты». Так Жижек говорить не хочет (не умеет?), и отчасти он прав: серьезный разговор о коммунизме на *не*-постмодернистском языке большинство левых интеллектуалов просто *не услышит*. Они эти «частоты» не воспринимают, ибо услышь они их, и им придется размышлять прежде всего о не Боге, Сексе, Самоубийстве, Деконструкции и Детерриториализации, а о том, как помочь рабочим наладить производство на оккупированной фабрике, студентам и профессорам отбить очередную попытку приватизировать университет... О том, почему, в какой мере, как [не?] поддерживать Чавеса в его практических международных проектах... Этого *им* лучше не слышать. Это слышат «другие» левые и Запада, и Востока: те, кто каждый день ведут черновую коммунистическую работу, те, кто живут как коммунисты, даже если этим словом себя не называют. Но этих чернорабочих (а они не менее интеллектуальны, чем высоколобые профессора, и книги пишут не менее серьезные, только вы их не найдете в библиографии постмодернистских гуру...) наиболее известные левые интеллектуалы просто не замечают.

Жижек в этом не-явном противостоянии оказывается где-то в промежутке. В чем-то даже как бы посредником, «переводчиком» с языка практики (стратегии и тактики все время идущей борьбы) на язык постмодернистских «дискурсов» и обратно. И этим он интересен. Но не только. Он интересен еще и тем, что вносит нечто новое в проблему коммунизма.

И именно об этом пойдет ниже речь. Но с точки зрения не «в-себе-бытия» Жижека, а его диалога с критической советской и постсоветской марксистской традицией, для которой коммунизм всегда предстал как актуально-практическая, а не только абстрактно-философская тема.

Посему ключом к структуре наших «размышлений в коммунистическом дискурсе» станет идущее от самого Маркса (и Энгельса) понимание коммунизма как «царства свободы», покоящегося как на своем фундаменте на «снятом» «царстве необходимости», причем снятом в точном гегелевском смысле – диалектического отрицания-наследования⁴.

Как таковой *коммунизм есть (1)* пространство-время (1.1.) свободной (1.2) творческой деятельности, «всеобщего» (К.Маркс) труда и (2) ассоциированного социального творчества, соединяющего индивидов в (3) работающие добровольные ассоциации и тем самым (4) снимающего отношения социального отчуждения *во всем их многообразии*. Снимаются отношения отчуждения Человека (как родового существа – Маркс-Лукач) от (4.1.) природы, (4.2) общества, (4.3) другого человека (обеспечивая свободное гармоничное развитие личности) и (4.4.) мира культуры. И это снятие, как заметил еще Маркс, есть (5) не некий заданный идеал, а «бесконечный процесс становления».

³ Симптоматична в этом отношении статья со-председателя Левой партии Гезине Летцш «Путь к коммунизму», опубликованная в 3 января 2011 года в газете “Junge Welt” и наделавшая много шума в ФРГ.

⁴ Мне показалась весьма странной проводимая Жижеком параллель между гегелевским понятием «снятие» (Aufhebung) и «вычитанием» Бадью (Жижек, с. 372). Снятие у Гегеля – это в первую очередь критическое наследование, развитие через отрицание, т.е. нечто принципиально отличное от «вычитания» в любой его трактовке.

Это понимание коммунизма, повторю, было очевидно для критического советского марксизма, равно как и для многих ученых на Западе (от Д.Лукача и А.Грамши до Б.Олмана и И.Мессароша⁵). Но оно довольно быстро перестало быть очевидным, чему немало способствовали крах «Мировой социалистической системы» и переход большинства левых теоретиков на позиции постмодернизма. Между тем в предложенной системе параметров коммунизма есть своя, достаточно прозрачная классическая логика: изменение содержания человеческой деятельности – изменение общественных отношений по всему их спектру (социальное освобождение, снятие отчуждения) – изменение Человека как *summa summaum* этого процесса. Эта логика и станет для нас «путеводной нитью», указывающий дорогу к решению проблемы практической актуализации темы «коммунизм».

2. Сл. Жижек: коммунизм как размышления и как практика

(К вопросу о снятии интеллектуальной собственности, проблеме 20-80 и возможности творить историю)

Следствием-предпосылкой тезиса (1) был очевидный для нас с университетской скамьи феномен противоположности всеобщего (творческого) труда и рынка, частной собственности, эксплуатации. Творчество как труд изначально-всеобщий и потому «по генезису» не частный не может с этой точки зрения быть базисом товарного производства (рынка); как труд, в котором результат и целеполагание (опять же «по генезису») не отделимы от субъекта, не может быть отчужден и потому не может быть объектом эксплуатации; как индивидуализированная деятельность всего человечества, впитывающая весь (в потенции) мир культуры не может быть создателем частной собственности...

Все это было раскрыто в работах советских (и западных) марксистов-шестидесятников⁶ и мы широко использовали и развивали эти положения в своих работах на протяжении последних 20-30-ти лет⁷, выводя из этого ряд практически актуальных следствий, которые касались прежде всего тех иррациональных, неадекватных новому содержанию деятельности форм социальной организации, которые порождает поздний капитализм, пытающийся подчинить себе эти новые, собственно коммунистические феномены. Так в повестку дня наших работ вошли проблемы снятия эксплуатация творческого труда и частной интеллектуальной собственности.

Сразу замечу, что эти проблемы очевидны и для современных западных исследователей. Так, Жижек со ссылкой на Маркса (слава богу...) и Негри (естественно, нельзя же открывая новое видение коммунизма ссылаться на работы своих учителей полувековой давности...) довольно подробно (и явно радуясь этому новому взгляду) рассматривает несовместимость интеллектуальной деятельности с эксплуатацией и частной собственностью, связывая это (правда не слишком жестко и определенно) с проблематикой коммунизма. Более того, в отличие от Бадью, автор «Размышлений...» видит и то, что коммунизм есть прежде всего вне-экономический (политически-эгалитарный), я бы сказал постэкономический проект – проект, снимающий «падший мир» экономики⁸.

⁵ Эти авторы почти одновременно, в конце 1960-х – начале 1970-х годов опубликовали содержательные марксистские работы по проблемам отчуждения (См.: Meszaros I. *Marx's Theory of Alienation*. L., 1970; Ollman B. *Alienation*. N.Y., 1971).

⁶ См. коллективную работу «Проблема человека в марксистской философии» (М., 1969), а так же работы Вазюлин В.А. *Логика истории*. М., 1974, Межуев В.М. *Культура и история*. М., 1976; Злобин Н.С. *Культура и общественный прогресс*. М., 1979 и др.

⁷ См.: По ту сторону отчуждения. М., 1990; Бузгалин А.В. *По ту сторону царства необходимости*. М., 1998; Иноземцев В.Л. *За пределами экономического общества*. М., 1998;

⁸ Сл. Жижек, С. 219-220.

Между тем, на наш взгляд, именно здесь тема коммунизма звучит на удивление ясно и четко: мир культуры – это мир *собственности каждого на все* (этот тезис является едва ли не очевидным для критического постсоветского марксизма вот уже более 20 лет; в настоящее время активно развивает в нашей стране В.М.Межуев⁹). *Каждый* может (в меру своих способностей к распредмечиванию) быть собственником *всего* в мире культуры: романов Толстого и пьес Шекспира, теоремы Пифагора и рычага... «Технических» ограничений здесь нет, культурные ценности – это неограниченные «ресурсы». Соответственно «собственность» на них может и должна быть непосредственно-всеобщей, т.е. собственно коммунистической. Вот почему *борьба против частной собственности* (вообще собственности) *на информацию* (интеллектуальной частной собственности) *в этом смысле есть собственно коммунистическая повестка дня*. И это для левых должно быть самоочевидно. Самоочевидно настолько, чтобы стать одним из программных требований не только некоторых социальных движений и НПО, но и левых партий (что, к сожалению, есть правило далеко не для всех из них).

Конечно же, Жижек, Негри и подавляющее большинство других левых интеллектуалов *эту* повестку дня прекрасно знают. Но! Далеко не все (1) понимают, что это *коммунистическая* повестка дня (и Жижек здесь приятное исключение) и (2) связывают это с *практикой борьбы очень разных общественных движений* (вплоть до латиноамериканских безземельных крестьян). Иными словами далеко не все их них показывают, что борьба за коммунизм (отмену интеллектуальной частной собственности как один из его аспектов) есть *сегодняшняя* социальная практика (а здесь Жижек, к сожалению, *не* исключение).

Продолжим: тезис о коммунизме как обществе, основанном на творческой деятельности, ставит нас перед проблемой, которую не впервые, но точно формулирует Жижек: *если интеллектуальный* (я бы сказал - творческий¹⁰) *труд не может быть объектом эксплуатации и есть база для нового мира* (здесь Жижек почему-то ссылается на авторитет Негри, хотя он далеко не первый увидел эти связи), *то почему же тогда «постмодернистский капитализм»* (Жижек использует так же термин Рыфкина «культурный капитализм» и Гейтса «капитализм без трений») *столь успешно акцептирует эти переросшие его материальные предпосылки?*

Вопрос поставлен точно, а вот вразумительного ответа у Жижека не видно. Применительно к современной эпохе это вопрос о том, *почему капитализм смог ответить на вызовы революционных подвижек в технологиях XX-XXI веков, а революционные силы – нет.*

(Другое вопрос – сколь успешен этот ответ «позднего» капитализма; по мнению автора этих строк, Жижека и многих наших товарищей *не* успешно: «постмодернистский капитализм» - это путь в тупик).

Ответ на этот вопрос лежит, на мой взгляд, в известном марксистском положении: *о генезисе коммунизма как переходе не просто к новому способу производства, и даже вообще не к способу производству, а к новому типу общественного бытия – «царству свободы», «истории», снимающей все «царство [экономической] необходимости», всю предысторию, а не только капитализм. Иными словами, генезис нового общества должен решить проблему снятия всех форм [социального] отчуждения, а не только капиталистической эксплуатации. Не-решенность этой грандиозной задачи и стала причиной самосохранения капитализма – таков ответ автора этих строк, но не Жижека.*

(Замечу: Жижек видит эту проблему; правда, в частном ее измерении: как проблему решения капитализмом задач, поставленных парижским взрывом 1968 года,

⁹ См., например, текст этого автора в коллективной монографии «Социализм-21» (М., 2009).

¹⁰ Западный интеллектуал не случайно боится понятия «творческий»: творчество и постмодернистское безразличие к Истине, Красоте и Добру плохо совместимы...

причем задач все же частных – альтернатив старой фабричной дисциплине, старой семье и т.п.).

Тем самым мы не решили, но переформатировали вопрос: *коммунизм определяется как проблема снятия социального отчуждения, а не просто как пост-, или даже анти-капитализм.*

Эта постановка не нова – как я уже отметил, ей более 50 лет. Однако ее настойчиво «забывают» левые постмодернистского толка и лишь походя иногда упоминает Жижек, хотя пишет – много и хорошо, но уходя в частности, примеры, иллюстрации, «рассказывание историй» – по сути дела именно об этом. Любопытно при этом, что, в отличие от самого Жижека, те авторитеты, на кого он ссылается, почти не видят едва ли не *самого главного в коммунизме: процесса непосредственного творения истории ассоциированными индивидами.* Причем не видят они его там, где оно наиболее ярко себя проявило в прошлом – в Парижской коммуне, в Октябрьской революции и энтузиазме социалистического созидания в СССР, в мировом коммунистическом движении. И это не случайно: там европейскому интеллектуалу его видеть нельзя – это *mauvais ton*. Всем известно, что СССР и компартии – это сталинизм и ГУЛАГ (а про Парижскую коммуну лучше просто забыть; на всякий случай).

Надо отдать должное Славою Жижеку: он не совсем такой. Он прямо пишет о революционном освобождении, он вспоминает аж пару раз Парижскую коммуну, он ранее написал книгу «13 опытов о Ленине» (М., 2003), в которой, едва ли не 10% текста посвятил действительно Ленину, причем в основном в позитивном смысле. Но и его гораздо больше интересует буржуазная революция на Гаити двухсотлетней давности. Споры нет, это очень интересный, важный и малоизвестный исторический феномен прямого социального творчества, но это все же не главное революционное событие последних столетий. Так почему же Гаити? Я, к сожалению, подозреваю, что главная причина этого – экзотичность данного примера, а не то, что эта революция (по мнению Жижека) была более французской и более революцией, чем взрыв 1797 года в самой Франции. А уж 1968 год (причем только парижский – весь остальной мир, даже «Пражская весна», где-то потерялись) для Жижека – априори главная и вечная тема. Почему? Потому, что это едва ли не последнее революционное выступление в Европе? Или потому, что это «тема тем» для его читателей?...

Вернемся к *социальному творчеству.*

Этот феномен для меня принципиально важен, ибо он указывает на *выращивание коммунизма из всей социально-освободительной борьбы человечества.* И здесь я готов искренне пожать руку автору «Размышлений в красном цвете» за то, что он (пусть в странно-коклетничающей постмодернистскими словечками форме – Жижек иначе говорить почти не умеет) подчеркивает преемственность социально-освободительной борьбы всех революционеров и социальных творцов прошлого, их внутреннюю связь с «бесконечным процессом становления» коммунизма¹¹. Другое дело, что «предыстория» коммунизма, долгий путь совместного творения истории силами социального освобождения и его «история» – коммунизм как новый мир, основанный на непосредственном ассоциированном социальном творчестве – это не одно и то же. И о втором говорить одновременно и сложнее и важнее, ибо это и есть главный предмет *наших «размышлений».*

Однако сначала о важной проблеме, вне которой понятие социального творчества оказывается не более чем красивым термином – о проблеме т.н. «экономического детерминизма» и *свободы.* На Западе принято много писать о «разных Марксах», о различии Маркса и марксизма (в России сейчас эта мода то же дает себя знать – не

¹¹ Лишь в этом контексте мне кажутся важными размышления Жижека о революции рабов 200-летней давности на Гаити, о «коммунистических» восстаниях в исламском мире 1 000-летней давности, о кантовском и гегелевском восхищении энтузиазмов в связи с Французской революцией... (Жижек, с. 354-362).

случайно в этом смысле вышедшая в 2008 году книга Вадима Межуева «Маркс против марксизма») и т.п. Жижек в этом смысле не оригинален: взяв несколько различных цитат Маркса, он нашел у него и «историко-эволюционистский детерминизм», и творение истории Человеком. Сие и позволило ему сделать очередной вывод о различии Маркса и марксизма. Не уходя в вопросы эволюции взглядов Маркса (а они, конечно же, изменялись), я хотел бы подчеркнуть тот инвариант, который сложился в критическом марксизме моей Родины и который отчетливо виден в работах и самого Маркса, и многих его последователей – от Владимира Ульянова и Розы Люксембург до Дьердя Лукача и Эвальда Ильенкова. Этот инвариант – *диалектика противоречивой связи двух сторон «предыстории», мира отчуждения. С одной стороны, человек в этом мире есть продукт и функция объективных исторических законов. С другой – творец истории.* Оба этих утверждения истинны одновременно и в одном и том же отношении. Объективные законы определяют «красную нить» истории; но *в той мере, в какой мы, познавая эти объективные и господствующие над нами законы способны «спрямлять» своим сознательным воздействием «зигзаги истории» - в этой мере мы позитивно свободны. И не от истории, а для истории.*

(Я понимаю, что высоколобый интеллект, прочтя эти строки, должен прийти в ужас: этот пост-советский монстр Бузгалин, живя до сих пор в мире азов истмата, не знает, что всем уже давно известно: нет не только прогресса, но Истины; большие нарративы в прошлом; задача интеллектуала – деконструкция и детерриториализация всего и вся; все что сверх этого – пережиток сталинизма...).

Хочу подчеркнуть: Жижек отражает эту проблему – проблему «логики» истории и ее зигзагов (Жижек, с. 210 – 218). Более того, он признает возможность сознательного воздействия на исторические процессы. Но, в конечном итоге, он оказывается перед проблемой: история идет в направлении упрочения «культурного» капитализма, а не его смены новым миром. Столкнувшись же с этой проблемой, он говорит: тем хуже для истории! Да здравствует свобода *от* Истории – таков вывод Жижека.

Я предлагаю иной вывод: да здравствует познание *законов* истории (а не позитивистское отображение текущего тренда как «истины» исторического процесса в последней инстанции) и свобода *для* Истории. Такой взгляд, не игнорирующий силу теории и ее способность находить [относительную] истину, а использующий их, позволяет показать, что современные формы адаптации капитализма к информационной революции есть (1) все еще исключение и (2) «зигзаг» истории, уводящий человечество с ее «красной линии» в сторону.

Возьму на себя смелость утверждать¹², что «красная линия» истории - это (даже если пока оставаться на только уровне «производительных сил») *движение к миру креатосферы*, где не интеллектуалы, но занятые творческой деятельностью работники составляют большинство и где заняты они преимущественно в таких сферах как:

- обучение и воспитание для всех и через всю жизнь (от детского сада и до пенсионеров, бесплатные университеты для которых уже сегодня открыты в Белоруссии);
- обеспечение здорового образа жизни для всех и через всю жизнь, включая здравоохранение, массовый спорт и т.п.;
- искусство во всем его многообразии и во всех сферах жизни человека, открытое для каждого;
- рекреация природы;
- социальная [само] рекреация (прежде всего – «отверженных»);
- инженерное, техническое и научное творчество (новаторство и рабочих, и высоколобых ученых, занятых фундаментальной наукой),

¹² Обоснование этих положений автора содержится в работах А.И.Колганова и автора этих строк «Глобальный капитал» (М., 2004, 2007) и «Пределы капитала» (М., 2009).

- хранение, обработка и обеспечение общедоступности информации (от библиотек и музеев до новых форм Интернета...);
- участие в управлении обществом на всех уровнях; созидание, развитие и упрочение институтов «демократии корней травы»...

И это далеко не полный перечень тех сфер деятельности, где без ограничений могут быть заняты те самые 80% населения, для которых якобы нет сферы приложения в современном мире постиндустриальных технологий. Это *совершенно иное решение проблемы 20-80*, о которой не может не упомянуть ни один уважающий себя интеллигент последних десятилетий и которую, естественно, упоминает и Жижек (Жижек, с. 346). На место поставленного постмодернистским капитализмом вопроса, как занять 80% якобы излишнего в условиях бурного развития постиндустриальных технологий населения, генезис коммунизма ставит другой: *как насытить творчески-активными и профессионально-грамотными работниками вечно нуждающиеся в дополнительной занятости перечисленные выше «отрасли» креатосферы*. Переформулируем этот вопрос: как обеспечить такую систему общественных отношений, когда приоритетным станет развитие общедоступной творческой деятельности в таких сферах как образование, здравоохранение и т.д. *В потенции мир [коммунизма] может иметь структуру экономики, в которой 20% будет занято в материальном производстве (сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, утилитарных услугах и т.п.), а 80% - в креатосфере...*

Прежде чем отвечать на вопросы, кто и как может осуществлять и осуществляет эту деятельность сегодня, обращусь к опыту моей Родины – СССР. В работе Жижека есть интересный и справедливый пассаж, повторяющий разработки многих моих коллег по постсоветскому пространству, западных, китайских и т.д. ученых: Советский Союз погубили новые производительные силы, информационная революция. Этот тезис верен, но односторонен. Моей стране (и стране, в которой родился Жижек) был присущ удивительный парадокс. Если на время абстрагироваться от социально-политической стороны вопроса, то окажется, что мир *«реального социализма» успешно создавал (хотя до конца и не создал) многие элементы креатосферы, т.е. материальных основ коммунизма, будучи не в состоянии создать материальные основы развитого капитализма.*

3. Сл. Жижек как критик постмодернистских мантр: назад/вперед к государству?

Проблемой проблем во всех размышлениях о коммунизме остается вопрос о *субъекте* – о том, *кто* способен осуществлять движение к «царству свободы». На абстрактном уровне марксистский ответ есть (был?) известен: свободная добровольная работающая ассоциация. В условиях борьбы за коммунизм – класс наемных рабочих, организованный как политический субъект и представленный левой партией.

Надо отдать должное Славою Жижеку: он не воспроизводит «мантру» постмодернистских левых интеллигентов последних десятилетий о необходимости отказа от «якобински-ленинской» парадигмы централизованной диктаторской власти (отождествление ленинизма с якобинством, централизмом и диктатурой – типичный миф *этих* левых, но не Жижека), от представлений об освободительной миссии рабочего класса и партии авангардного типа. Более того, он предлагает эту мантру перевернуть, утверждает, что сегодня левые нуждаются в некоторой дозе «якобински-ленинской» парадигмы (Жижек, 366).

Так же и в вопросе о государстве, организации и дисциплине: во всех этих случаях Жижек весьма оригинально и со специфическими оговорками предлагает «перевернуть» казалось бы уже принятые положения и в позитивном смысле говорит о необходимости противопоставить ставшему *не-миром* глобальному капитализму структурированность и

дисциплину левых, у которых «нет права отделяться, отходить от государства». Подчеркну: это скандальное (с точки зрения типичного левого профессора Запада) заявление, лежащее, пожалуй что, уже за рамками приличий «цивилизованного» интеллектуального сообщества, мне в принципе кажется верным, хотя и до крайности неопределенным, ориентированным скорее на эпатаж, нежели на конструктивное решение проблемы.

А проблема есть, причем и теоретическая, и практическая: *авангардные левые партии в конце XX века себя дискредитировали. Парламентские левые партии* (я говорю о европейских коммунистах и их аналогах в других странах; социал-демократы для меня и Жижек – не левые) *находятся в состоянии полураспада*, хотя некоторые исключения есть в Германии, Португалии и др. Новые социальные движения, ярко заявив себя в 2000-е, сейчас ослабевают...

Не менее сложна и проблема отношения левых к государству: старые идеи диктатуры пролетариата и отмирания государства никого не устраивают. Новые постмодернистские интеллектуальные концепты бытия-вне-государства на практике оборачиваются строгим подчинением всем нравственно-правовым установлениям буржуазного сообщества...

Рефлектируя по этому поводу Жижек справедливо подчеркивает: левый интеллигент вот уже не одно десятилетие *ждет*, когда же появится реальный субъект борьбы, возлагая надежды кто (по-прежнему) на пролетариат, кто на студенчество, кто на интеллигалов, кто на крестьянство третьего мира или «отверженных». В пику этому *ожиданию* Жижек предлагает левым интеллигентам парадоксально-правильное решение: Мы – это те, кого мы ждали. Ожидать, что кто-то выполнит работу за нас, - это способ оправдать собственное бездействие. При всей своей правильности это решение, однако, остается у автора «Размышлений...» довольно невнятным: ну и что мы можем/должны делать? Жижек в конечном итоге приходит к тому, что в условиях «постмодернистского» капитализма история идет против нас, а мы (левые) должны идти против истории и стать... волонтеристами.

На самом деле ответ на этот вопрос – вопрос о субъекте социального творчества - есть. И лежит он в русле «красной линии» истории – русле движения к «царству свободы». И потому это ответ сугубо коммунистический по своей сути: *субъект созидания коммунизма – добровольная работающая свободная ассоциация социальных творцов, познающих законы общественного развития*. И если для кого-то понятие такой ассоциации остается теоретическим иероглифом, то для сотен тысяч и миллионов людей, участвующих в деятельности новых социальных движений и прогрессивных НПО, реально работающих профсоюзов, АТТАК и местного самоуправления, левых партий, - для всех них это давно и хорошо известная повседневность. Что такое движение безземельных крестьян (МСТ) или работников оккупируемых фабрик в Латинской Америке, выдвинувших и реализующих лозунги «Сопrotивляйся! Оккупируй! Производи!»? Это (1) добровольное, (2) самодеятельное (возникшее снизу и поддержанное левой интеллигенцией) объединение людей, осуществляющих прямое действие, направленное (3) против базовой моральной и правовой нормы капитализма (неприкосновенность частной собственности) и состоящее в (4) совместном созидании новых социально-экономических форм (5) производства. Все ключевые признаки теоретической модели коммунистической ассоциации здесь налицо. И таких примеров в «сети сетей» новых социальных движений сотни и тысячи¹³.

Конечно же, во всех этих случаях мы видим лишь *противоречивые зародыши* коммунистических ассоциаций, но для нас сейчас важно не столько дать критику их несовершенства (что очень важно для практической – словом и делом - помощи этим структурам), сколько увидеть в них зародыш будущего.

¹³ Подробнее об этом в статье Е. Боуман и Р.Стоуна «Сопrotивляйся! Оккупируй! Производи!» в журнале «Альтернативы» (2011, № 1).

В этом плане показателен и пример Советов, возникших в России еще в период Первой русской революции 1905-1907 годов. Жижек в целом негативно воспринимает этот опыт, аргументируя свою позицию скорее методологически: Советы были частью авторитарной системы СССР, и они погибли вместе с ней, следовательно, они сами по себе не жизнеспособны¹⁴.

Логика у него в данном случае та же, что и в случае с взаимодействием производительных сил и производственных отношений капитализма, пролетариата и буржуазии как двух классов этого способа производства. И логика эта такова: нет «дурных» и «хороших» сторон противоречия, нельзя сохранить капиталистические производительные силы, просто устранив капиталистические производственные отношения. Нельзя построить власть пролетариата, всего лишь уничтожив буржуазию как класс. Нельзя сохранить Советы, уничтожив «реальный социализм». В некотором смысле, Жижек прав в этих своих утверждениях: в диалектических противоречиях нет «хороших» и «плохих» сторон. Но этим правильным утверждением отнюдь не исчерпывается диалектика сложных социальных систем.

Производительные силы, развитые капиталом, конечно же, не просто «высвобождаются» из оков капитала. Снятие капитала есть снятие и капиталистических производственных отношений, и капиталистических производительных сил – этому меня учили в МГУ на первом курсе еще в 1972 году. Для советского студента (тем более профессионала-марксиста) было очевидно, что по мере генезиса новой общественной системы и производительные силы должны кардинально изменяться (не только прогрессируя иначе, но и изменяя свою структуру, определенность, «конфигурацию»: капиталистическая индустрия и индустрия, служащая одним из первоначальных элементов базиса возникающего «царства свободы» – это две разных индустрии; кстати, во многом повторяющая капиталистическую конфигурация производительных сил СССР эпохи сталинизма стала одной из причин воспроизводства отчуждения работника от общества в условиях «реального социализма»). Такое кардинальное изменение при переходе к коммунизму должны претерпеть и производительные силы возникающего постиндустриального капитализма (технологические основы последнего, структура его экономики, типы организации труда и управления).

Точно так же и с пролетариатом: Маркс 150 лет назад *обосновал* вывод о том, что первый же шаг к освобождению труда станет первым шагом снятия пролетариата *как класса*; то, что класс наемных рабочих – это класс, который ставит своей задачей свое уничтожение *как класса* и что в этом смысле это универсальный класс (все это я то же сдавал еще на первом курсе и все это прямо написано у Маркса; надо быть Жижеком, чтобы в подтверждение этой азбуки марксизма сослаться на... личное письмо, полученное им от турецкого литературоведа¹⁵).

Ситуация с Советами сложнее. Диалектику их рождения и мутации в условиях «реального социализма» Жижек наверняка знает, но почему-то игнорирует. Возможно, ради афористичной красоты своих умозаключений о том, что Советам как части тупикового сталинского проекта нет места в процессе рождения коммунизма. Но Советы не были частью «сталинского проекта». Более того, сталищина привела к их мутации и вырождению в авторитарный государственный механизм особого типа. Советы же возникали как система базисной демократии, рожденной энергией низового социального творчества.

Так же рождалось и отмирающее государство Парижской коммуны, так же рождались и рождаются по всему миру десятки других образований, которые могут служить практическим опытом генезиса отмирающего государства и рождающейся низовой демократии. Но если признать правомерность этого опыта (равно как и интереснейшего опыта рождения «демократии корней травы» в странах Латинской

¹⁴ Сл. Жижек. Указ. соч. С. 376.

¹⁵ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 375-376.

Америки, вплоть до опытов последнего десятилетия в Венесуэле, Боливии и т.д.), то рухнет вся дальнейшая постмодернистская риторика о новой необходимости государства как «мира», противостоящего «детерриториализации» в условиях постмодернистского капитализма, ибо последняя делает врагом не государство, а постоянные самоизменения капитала, который ныне «внемирен» и внеструктурен. Добавив к этому утверждение о том, что провал коммунистической государственно-партийной политики (почему Жижек вслед за всеми неумными антиксоветчиками сталинской поры называет сталинскую модель «коммунизмом» я, честно говоря, просто не понимаю...) – это провал Советов как попыток разорвать налагаемые государством ограничения (это Сталин их что ли разрывал? А если не Сталин, то причем здесь модель Советов?), сложив все это Жижек делает важный в для его «размышлений» вывод: у нас нет права «отходить от государства»¹⁶. Правда чуть ниже он дает другую формулировку: надо не дистанцироваться от государства, а «заставить само государство функционировать в негосударственном ключе»¹⁷.

Между этими двумя формулировками Жижека есть, однако, глубокое противоречие. Первая – попытка вновь апеллировать к государству (Жижек дополняет ее апелляциями к дисциплине и организованности). Вторая – почти буквальное и абсолютно не новое утверждение, повторяющее почти дословно выводы Маркса и Ленина о том, что рождение коммунизма делает государство отмирающим, «не государством в полном смысле слова», изменяет природу и функции государства. Как именно? – это то же известно. Опыт – весьма противоречивый, но реальный – есть. Так к чему было весь огород городить?

А я скажу к чему: признать правоту классического марксистского подхода к проблеме государства после полувековых попыток найти альтернативу этому подходу, предпринимавшихся среди давно уже ставших старыми «новых левых», маоистов, а так же постструктуралистских, постмодернистских и иных пост-... левых интеллектуалов – нельзя. Ибо это означает расписаться в бессилии не только собственном, но и всех нынешних «гуру» левых запада. Продолжать же постмодернистские игры в «детерриториализацию» Жижеку не позволяет его действительно коммунистическая научная позиция. И Жижек дает вызывающе-провокативный (для его среды) ответ: государство левым нужно. Особенно как альтернатива глобальному постмодернистскому капитализму с его действительно нарастающей дезорганизованностью.

Собственно такой ответ не нов. Более того, он стар и идет от консервативного крыла социалистов. И он совершенно никак не сходится с выдвигаемой самим же Жижеком альтернативой: коммунизм или [государственный] социализм.

Но если у Жижека решения проблемы, чем заменить государство, нет и он считает, что его ни у кого нет¹⁸, то он не прав: у практики левого движения и осмысливающих ее левых теоретиков он есть (сошлюсь хотя бы на конструктивный анализ опыта самоорганизации новых социальных движений Кристофа Агитона и нашу книгу «Кто творит историю» (М., 2010) а так же многочисленные разработки в среде западных и немногочисленные в среде пост-советских марксистов по проблемам базисной демократии). И это ответ, адекватный вызовам сетевой динамичной модели глобального мира. И это коммунистический по своей сути ответ: альтернативой государству и надгосударственным институтам глобального капитала *становятся* работающие добровольные свободные ассоциации, связанные в альтерглобалистские сети.

Подчеркну: только становятся, только возникают, причем возникают (как и все новое) в *переходных* формах, несущих на себя значительную печать старого (бюрократизма, «государственности»); возникают в недрах старой системы (государств и других институтов власти капитала) и одновременно в борьбе с ней; возникают,

¹⁶ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 375.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 375.

неизбежно мутируя под воздействием этого окружения и этой борьбы. Впрочем, иногда они возникают и при помощи относительно прогрессивных государств (например, в Латинской Америке), хотя эта помощь старого то же деформирует новое. Да, это только тенденция. Да, это только первый фрагментарный опыт. Да, он, как правило, деформирован от рождения, мутантен.

Да, это все так. Но для того и даны настоящему ученому сила теоретической абстракции и диалектический метод, чтобы суметь увидеть в этом «гадком утенке», придавленном и запачканном курами и индюками птичьего двора современного капитализма, будущего прекрасного лебедя коммунизма. Зачем же спешить объявлять теоретическую капитуляцию?

4. Жижек как эколог и гуманист: борьба за природу, общество, человека и культуру как коммунизм

У Дьердя Лукача, в его «К онтологии общественного бытия» (М., 1991) активно обсуждается тема Человека как родового существа и отчуждения его родовой сущности – деятельности, ее предмета, результата, субъектности. В принципе это постановка проблемы даже не Лукача, а Маркса, правда преимущественного молодого Маркса, Маркса, писавшего о Человеке, натурализации человека и гуманизации природы и тому подобных материях в «Экономико-философских рукописях 1844 года» и других работах того времени. Идея коммунизма как снятия этого отчуждения – это тоже Маркс, хотя и не только Маркс.

Но вот Жижек бы, наверное, отнеся к идее такого снятия скептически, возразив: опять вы хотите «высвободить» некую «сущность» из плена капитализма! Это не диалектика. И формально он был бы прав в своем возражении. Формально. Ибо по существу и у Маркса, и у Лукача, и у автора этих строк речь идет не об эмансипации некоего «естественного» начала человека, а о том, что генетически-всеобщая определенность Человека как особой системы, снимающей предшествующее развитие природы, есть его *деятельностно-общественная сущность* (тезис подробно развитый в работах Леонтьева, Ильенкова¹⁹ и их последователей). И деятельность эта генетически определяется как творчески-преобразующая и общественная. Рождается она в отчужденных формах, характерных для эпохи, названной Марксом и Энгельсом «царством необходимости», предысторией Человека, и иначе рождаться не может. Системным качеством этого «царства» и является отчуждение от Человека его деятельности, его общественных связей, природы, другого человека, его самого (*самоотчуждение*) и культуры.

Соответственно, коммунизм в этом контексте определяется не как «высвобождение» некой родовой сущности, а как переход Человека в новое качество его общественного бытия – в мир, лежащий «по ту сторону царства необходимости» (Маркс), как процесс *разотчуждения*²⁰. Логика этого снятия достаточно прозрачна: отношения отчуждения (насилие и рынок, рабство и капитал, войны и государство), бывшие до сей поры системой противоречий, двигавших вперед деятельность Человека (рост производительности труда) и его самого (рост населения и продолжительности жизни), культуру Человека и меру его независимости от природы, - эти противоречия становятся тормозом дальнейшего развития всех этих параметров. «Человек отчужденный» упирается в тупик:

- рост производительность труда оборачивается прогрессом симулякров;

¹⁹ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

²⁰ Понятие введено в научный оборот Л.А.Булавка ее работе «Социалистический реализм. Превратности метода» (М., 2007).

- Человек как биологический вид переходит к грани генетического и/или атомного и т.п. самоуничтожения;
- независимость от природы оборачивается разрушением биогеоценозов;
- культура деградирует в масс-культурное ничто...

Эти процессы давно известны. Их подробно расписывает и Жижек. Но для нас они важны как эмпирические свидетельства истинности *выведения*, а не просто постулирования необходимости разотчуждения, т.е. коммунизма (в данном случае я не разотчуждение определяю как коммунизм, а коммунизм как разотчуждение; я вслед за десятками крупнейших мыслителей вывожу необходимость снятия социального отчуждения и этот процесс определяю как коммунизм, ничего предварительно не постулируя).

Что здесь важно?

Что коммунизм выводится из пределов не только капитализма (как это делало и делает большинство левых интеллектуалов), но и всей предыстории Человека (как это делали Маркс, Энгельс и десятки моих советских и зарубежных учителей).

(Кстати, именно этот взгляд на процесс современных трансформаций – а именно, их определение как нелинейного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», а не просто от капитализма к социализму – и есть главная *differentia specifica советской и постсоветской школы критического марксизма*).

Здесь требуется оговорка: Славой Жижек видит эту грандиозномасштабность проблемы коммунизма и его не-тождественность снятию капитализма. Видит, но развивает в традиционном для западных левых эко-антропо-апокалиптическом ключе.

Нельзя сказать, что он в этом не прав. В выборе предмета он скорее прав. Гораздо более сомнительны его весьма неопределенные представления о путях решения коммунизмом этих глобальных проблем. Между тем, *логика разрешения (снятия) глобальных противоречий (противоречий «царства необходимости» как целого) и есть генезиса «царства свободы»*. И это ключ к пониманию природы и путей решения т.н. «глобальных проблем» современности. Причем не только теоретически, но и практически.

Поиск путей решения проблем экологии (их Жижек описывает подробно и не скупясь на апокалиптические акценты) в этом контексте *оказывается проблемой нахождения путей генезиса коммунизма*, ибо решение экологических проблем предполагает ни что иное, как снятие отчуждения Человека от Природы. Эти проблемы могут решаться более или менее реформистскими/радикальными методами: от минималистских шагов типа предельных уровней загрязнения и других [меж]государственных экологических норм до «эко-ориентированных» форм организации производства, образа жизни и этики или даже методов «прямого действия». Они могут вызывать дебаты о [не]возможности последовательного решения проблем диалога человека и природы в условиях, когда социальная система продолжает покоиться на таких столпах отчуждения как насилие, рынок и капитал. Они могут иметь (и имеют) разную содержательную интерпретацию... Однако во всех своих проявлениях они есть генезис иных, ориентированных на снятие отчуждения процессов и *в этом* (но и только в этом!) *смысле* есть генезис коммунизма, как минимум – *его* зародыши в недрах старой системы.

(Любопытно в этой связи используемое Жижекком выражение Дипешу Чакрабарти о том, что ныне люди – это «сила природы в геологическом смысле»²¹. Этот тезис, - тезис о превращении Человечества в мощнейшую геологическую силу – был не просто выдвинут, но развит и доказан более 70-ти лет назад в работах выдающегося советского биогеохимика и философа Владимира Вернадского. Замечу: он тогда же сделал вывод о том, что логика развития взаимодействия Человека и Природы и логика коммунизма в главном едины²². Этот вывод был хорошо знаком советским ученым, в том числе,

²¹ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 295.

²² См. В.И. Вернадский о ноосфере. М., 1989. С. 42-43.

социальным философам и политэкономам, уже с 60-х годов прошлого века. Я думаю, он тогда был знаком и западным марксистам, во всяком случае, той их части, кто работал в диалоге с учеными СССР. К сожалению, иные на Западе «открывают» это положение вновь только полвека спустя и без ссылок на родоначальников...).

Возвращаясь к проблемам экологии я могу предложить некоторую гипотезу: *чем более решительные и фундаментальные меры по решению экологических проблем (т.е. проблем снятия отчуждения человека от природы) нам требуются, тем дальше мы должны идти по пути социального разотчуждения: снятия рыночной конкуренции сознательным регулированием и солидарностью; погони за прибылью любой ценой – экологической ответственностью; геополитического соперничества государств – солидарностью международного гражданского общества...*

Результирующим моментом этой активности становится *содействие гармоничному и свободному развитию личности в мире культуры*, понимаемой в этом случае не как «отрасль общественного производства», а как идеализация опредмеченного богатства коллективного человечества во всем его социопрограммном и социовременном (историческом) измерении. При таком подходе станок как опредмеченная технология, а не как средство производства есть культура; природа как самоценность, как красота есть культура; художник как субъектное бытие творчества есть культура...).

Свободное всестороннее развитие человека как критерий прогресса (сугубо марксистский, я бы даже сказал – маркситско-ленинский, ибо он настойчиво подчеркивался Ульяновым во всех его работах и даже партийных документах как высшая цель коммунистического движения²³) ныне не принято даже упоминать. То ли потому, что, как известно (любому первокурснику-постмодернисту), прогресса нет и потому у него нет критерия. То ли потому, что нынешний то ли мультикультурно-, то ли фундаменталистски-ориентированный обыватель страшно далек от этого идеала. То ли потому, что этот идеал слишком жестко задает критерии для решения кажущихся чрезвычайно сложными и неопределенными проблем человеческого бытия.

(В свете этого критерия просто не значимы такие «величайшие» проблемы как «тяга к смерти», или «одинокость», или еще какой-нибудь психопатологический выверт в лучшем случае в стиле Фрейда, в худшем – превратившегося в реальность голливудского ужасника...).

Марксистская теория личности (а я вырос на серии очень сильных работ по проблеме человека в теории Маркса²⁴) для меня всегда была не сумой рефлексий мучительно копающегося в своей [шизофренической?] психике и *принципиально-не-совершающего-социально-ответственных-поступков* интеллектуала, а проблемой мышления и действия, ответственности и выбора активного субъекта общественной деятельности. Проблемой, в какой мере и почему Ты [не]можешь брать на себя ответственность за организацию забастовки, которая с большой вероятностью потерпит поражение. Проблемой остаться на смерть в заслоне, прикрывая отход товарищей от фашистской атаки, или идти во главе отступающей группы (потому что Ты лучше других знаешь, как спасти отряд), оставив прикрывать ваш отход (оставив на верную смерть!) своего товарища...

²³ Характерно в этом плане известное критическое замечание В.И.Ленина на Второй проект программы РСДРП Плеханова. Ульянов указывает, что будущее общество предполагает не просто планомерную организацию общественного производительного процесса для нужд как всего общества, так и отдельных его членов (вариант Плеханова), но организацию за счет *всего* общества и «для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *в с е х* его членов» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232).

²⁴ Кроме уже упомянутых работ А.Леонтьева и Э. Ильенкова, а так же коллективной книги «Проблема человека...», назову очень интересную коллективную работу «С чего начинается личность» (М., 1979).

Но не проблемой тяги к самоубийству после несколько большей, чем обычно, дозы «травки», не говоря уже о великой(!) проблеме гонорара или выбора одной из тысяч моделей нового автомобиля...

Я понимаю, что для большинства интеллектуалов Запада поставленные мной вопросы (в отличие от проблем гонораров или передозировки травки) не существуют. И обращаясь к западному интеллектуалу надо обсуждать волнующие *его* проблемы. Но это не проблемы генезиса гармонически *развивающейся* личности. Это проблемы деградации постмодернистского индивидуума. Конечно же, мы должны думать, как изменить внутреннюю жизнь такого индивидуума, но, повторю, это другая проблема

И потому мне лично было скучно читать «рефлексии» Жижека на фрейдистско-кафкианские темы, даже не смотря на то, что они выдержаны «в красном цвете». Скучно, ибо ни в России, ни в Западной Европе, ни в США, ни в Латинской Америке среди тысяч моих товарищей по социальному творчеству я не встречал никого, кто сколько-нибудь серьезно заморачивался проблемами самоубийства или реализации неудовлетворенной сексуальности: им некогда на эту ерунду тратить время (хотя они знают не понаслышке что такое *реальная* угроза смерти и цена настоящей любви!). Перед ними стоит столько серьезнейших, мучительных стратегических проблем социального освобождения и столько очевидно требующих твоего немедленного *личного* вмешательства тактически-неотложных социальных практик...

Действительная проблема проблем Личности – это не проблема декадентствующего интеллигента. Это гораздо более сложная проблема *превращения обывателя в социального творца*. Обывателя в разных его ипостасях: Хама и Интеллектуала, Раба и Господина, Капиталиста и Пролетария (да-да и пролетария тоже: в той мере, в какой наемный работник живет и действует как всего лишь частный собственник своей рабочей силы и потребитель-покупатель, в этой мере он обыватель).

Обыватель теоретически может быть определен как человек-марионетка, раб стоящих над ним сил отчуждения и созданных ими правил, действующий в строгом соответствии с этими правилами. И если ты клерк, то ты должен каждую субботу заниматься шопингом, растить двух детей, заниматься любовью в соответствии с почерпнутыми из сериала рекомендациями, мечтать о выплате ипотеки за дом, двух (новых!) машинах и отдыхе на Гавайях. Если ты Левый Интеллектуал, то ты *не* должен стремиться к двум машинам и отдыху на Гавайях (а если все же стремиться, то в секрете от своих коллег), но должен любить Кафку и Достоевского, не любить Маяковского и Ленина (а лучше даже не знать вообще; как в СССР: я Пастернака не читал, но осуждаю...), покуривать (изредка) травку и размышлять о самоубийстве, но при этом не забывать жестко торговаться с издателем по поводу гонорара за новый текст.

В этой связи я с удивлением и радостью обнаружил у Жижека некоторые «рефлексии» в связи с проблемой выхода за рамки нравственно-правовых ограничений мира отчуждения²⁵. Жижек совершенно недвусмысленно и правомерно фиксирует жесткое и, я бы сказал, «дурное» противоречие, свойственное типичному западному обывателю. С одной стороны, терпимость к узаконенным и принятым моделям жизни и поведения меньшинств. С другой – абсолютная нетерпимость к нарушителям общепринятых правил: пользоваться легким наркотиком можно, но курить в общественных местах запрещено; ходить голым по пляжу пожилому жирному мужику можно (и едва ли не обязательно; на человека в купальном костюме смотрят с подозрением), а одеть в университет платье с декольте и туфли на каблуках красивой девушке категорически нельзя. Зато ходить на занятия в шлепанцах на босу ногу и меховой шапке можно.

И это не странности и глупости. Это характерный для «культурного капитализма» *тоталитаризм правил*, тоталитаризм институтов, жесткое подчинение жизни внешне

²⁵ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 399.

заданным этико-правовым нормам (среди которых обязательная толерантность к меньшинствам и мультикультурность). Альтернативой этим псевдосвободам выступает другой вид институционального террора – фундаментализм. Противоречие этих двух сторон одной медали Жижек фиксирует достаточно четко. Но вот что дальше? Где решение парадоксов «мультикультурности» и однозначностей фундаментализма?

Решение подсказывает логика предыдущих рассуждений: гармоничное развитие человека в диалоге с другим человеком и культурой становится критерием для решения этико-правовых проблем. Это критерий для того, чтобы решать, закрывать или не закрывать лицо исламским женщинам, развивать или не развивать многоженство исламских мужчин, пропагандировать или нет европейскую «мультикультурность» сексуальность предпочтений и гомосексуализм. Критерий в этом случае задает не католическая, протестантская, православная, исламская, иудейская, буддистская или иная религия (т.е. отчужденная форма общественного бытия). Критерий задает мировая культура Человека, в которой любовь Лейли и Мейджун так же не совместима с внешними ограничениями мира человека, как и любовь Ромео и Джульетты или чувства уходивших летом 1941-го добровольцами на фронт советских десятиклассников и десятиклассниц...

Этот критерий выступит против постмодернистского тоталитаризма безразличия-ограничения (дома – колись, в кафе не кури) и фундаменталистского диктата, задавая общественный идеал Красоты, Истины и Добра и он будет динамично, открыто жестким. Общество через открытый диалог, спор, полемику, но с последовательно проводимой стратегией будет активно (но не принудительно) содействовать движению к своему идеалу – к коммунизму. Востребованной обществом все больше может и должна становиться та культура, та этика, которые непосредственно включают Человека в процесс социального творчества, в процесс разотчуждения. И в этом процессе критерии этики и эстетики в главном будут совпадать: неслучайно же В.И. Ленин прямо сказал, что этика будущего – это эстетика.

При такой постановке проблемы эстетика безобразия и деконструкции окажется врагом социального созидания. Она не поможет даже социальной критике, ибо сама несет (эстетическое) отчуждение. И этика абсолютного соблюдения внешних жестких правил окажется врагом разотчуждения, ибо любое правило должно восприниматься критически и соблюдаться только в той мере, в какой оно не противостоит делу социального освобождения. И в этом случае «этические» нормы, превращающие женщину в рабу семьи (паранджа или хиджаб лишь внешние проявление этого положения), равно как и «европейские» нормы сексуальной «раскрепощенности» окажутся *этически* неприемлемы с точки зрения... стратегии социального освобождения.

Я прекрасно понимаю, что эти строки вызовут у просвещенного западного интеллигента и их постсоветского адепта однозначную реакцию: вы предлагаете нового «старшего брата», который будет нас «учить жить», ограничивая свободу личности и творчества. Лишь две коротких реплики в этой связи:

Первая. Сегодняшний «культурный» капитализм и ставший тоталитарно-господствующим рынок²⁶ предельно жестко навязывает человеку набор ограничений и правил. Они формально объявляют отказ от каких-либо критериев «истины», «добра» и «красоты», но реально диктуют очень жесткий критерий: художественно, нравственно и научно все то, что содействует росту продаж и прибылей. И этот диктат подчиняет себе и «рядового» человека, и его творческого собрата жестче, чем любая сталинская цензура.

Вторая. Недвусмысленное выдвигание критериев прогресса (в том числе – эстетических и этических), в их связи с развитием человека и культуры предполагает не внешнее – партийно-государственное или тоталитарно-рыночное – их навязывание, а формирование социально-творческих, самими людьми (в том числе, самими

²⁶ Обоснование этого вывода содержится в нашей работе «Глобальный капитал».

художниками, учителями, учеными...) формируемых свободных, но деятельностно-активных форм воздействия на общественное этическое-эстетическое развитие. А что до практических форм такого воздействия – поинтересуйтесь хотя бы опытом организации художественной жизни Парижской коммуны...

Вот почему в завершение этого пассажа о коммунизме как практике я бы сформулировал довольно жесткий императив: *грядущая коммунистическая революция будет непосредственно не столько революцией против структур, сколько революцией против [тоталитаризма] правил* – против правил, обеспечивающих власть социального отчуждения и, прежде всего, гегемонию глобального капитала как высшую форму этой власти. Это будет революция, создающая возможность самим людям творить свою общественную организацию, «выращивать» коммунизм.

5. Сл. Жижек как революционер: апологий свободы как энтузиазма

Так что же, снова революция как повестка дня?

Вернемся к Жижеку. Сама постановка этой проблемы, повторю, делает честь этому ученому. Но если же смотреть на проблему содержательно, то все становится гораздо сложнее. Для Жижека (и Бадью, на которого он прямо ссылается²⁷) – коммунизм – это Идея (именно так, с большой буквы, как и Бог и многое другое неопределенно-многозначное и обязательно с большой буквы; я и то, как заметил читатель, заразился у автора «Размышлений в красном цвете» этим пристрастием к заглавным буквам). Идея, обращенная к «сингулярной универсальности» (на удивление четкое и, главное, любому понятное определение коммунизма²⁸). Эта Идея, однако, не есть нечто исключительно благопожелательно-идеальное в духе «этического социализма». Это, скорее, Идея как то, что реально существует в постоянно продолжающейся борьбе, где (если я сколько-нибудь адекватно распредметил жижековские рефлексии по поводу Канта и Рорти, используемые им для прояснения понятия... коммунизм) индивидуальное становится универсальным а человек обретает свободу: *«в мгновения энтузиазма каждый из нас свободен и принадлежит царству универсальной свободы человечества»*²⁹ (курсив мой – А.Б.).

Последняя фраза, на мой взгляд, наиболее важна, тем более, что она служит своего рода крещендо в диалогах Жижека с Кантом и Гегелем по поводу Великой французской революции (исходный импульс трактовки энтузиазма как главного в освобождении, даруемом революцией, принадлежит именно этим двум великанам немецкой классической философии). Здесь Жижек почти догадывается о ключевой связке *революционной энергии масс, «энтузиазма» (социального творчества, непосредственно проявляющегося ярче всего именно в энтузиазме), социального освобождения и коммунизма как единых (хотя и разноакцентированных) феноменов*. Собственно говоря, я даже уверен, что Жижек прекрасно знает эту (ленинскую по своей основе) связку, но просто не хочет ее сколько-нибудь четко выразить.

Для этого не-выражения опять же есть основания: такая трактовка коммунизма была бы «старомодна». А Жижек и так чересчур (с точки зрения постмодернистских левых) «старомоден», поэтому (? – во всяком случае, мне так кажется) он и играет в коммунизм на чужом поле и при помощи чужого языка.

Но это как минимум ошибка: эта «игра» и этот язык оказываются небезобидны. Они подвигают автора «Размышлений...» к явному упрощению, когда он предлагает (опять же с косвенной ссылкой на Бадью) *четыре «инварианта» («концепта») коммунизма:*

- эгалитарная справедливость;
- дисциплинарный террор;

²⁷ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 330.

²⁸ Там же. С. 347.

²⁹ Там же. С. 350.

- политический волюнтаризм;
- вера в народ.

И все это инварианты, которые действовали со времен Платона, средневековых бунтов и дожили до якобинства ленинизма и маоизма...

Конечно же с точки зрения классического марксизма это утверждение *кажется* просто безграмотным неразличением очевидно различных идейно- и социально-революционных феноменов. Но я бы не спешил выносить приговор. Я бы здесь прочел иное.

Во-первых, выраженный в нарочито эпатажной форме (Жижек вообще присуще стремление к эпатажу, причем часто никому не нужному) но принципиальный для автора «Размышлений...» акцент на дисциплине, действии, готовности к насилию, народности. Последнее, скорее, стремление противопоставить себя безвольно-конформистским (по отношению к «правилам цивилизованного общества» где разговоры о приоритете свободы индивида и демократии давно уже стали индульгенцией на социальную импотенцию) левым интеллектуалам, чем действительный призыв к организованному и дисциплинированному массовому субъекту будущей борьбы. В пользу *такого* понимания Жижека говорит абстрактность этих «инвариантов», нарочито не разделяющих политически и теоретически абсолютно разных Ленина и Мао (не говоря уже о Платоне), формы организации средневековых бунтов и «партию нового типа»... Но сама по себе постановка такой проблемы – уже большой плюс для «бытийствующего» в постмодернистской среде интеллектуала.

Во-вторых, за этими постулируемыми Жижек «инвариантами» для меня скрыто опять же эпатажное, но очень важное выражение старой доброй марксистско-ленинской идеи о *коммунистичности любой революции* как процесса социального освобождения и непосредственного творения истории массами. Именно это делает революции «праздником угнетенных» и «локомотивом истории». Упомянутый выше пассаж Жижека об энтузиазме, говорит о том, что я здесь скорее прав, чем не прав.

И еще один аспект, навязчиво проводимый Жижек через всю книгу: *противопоставление коммунизма и социализма*. Противопоставление, доведенное до вывода о том, что сегодняшняя и завтрашняя борьба – это борьба коммунизма не с капитализмом, а с социализмом.

Здесь опять же много от игры в парадоксы и афоризмы, но за ней скрыта принципиальная позиция: *реформистский взгляд на альтернативы глобальному капитализму устарел*. Называя «социализмом» опыты XX века (в том числе и советский опыт, который он, правда, в других местах обозначает как коммунизм), Жижек подразумевает под «социализмом» прежде всего частичное реформирование глобальной гегемонии капитала, причем реформирование в ряде случаев идущее на пользу самому капиталу (например «финансовый социализм» как поддержка обанкротившихся спекулянтов за счет налогоплательщиков) или лишь камуфлирующее его господство (в формах «культурного», «бесконфликтного» капитализма).

В этом смысле Жижек прав, когда говорит о недостаточности социализма в первом смысле (социализма как практики СССР и других «социализмов»), образно указывая на то, что альтернативой миру отчуждения может быть лишь принципиально более масштабный сдвиг к «солидарному органическому сообществу», а не «эгалитарному коллективизму», что национал-социализм возможен, а национал-коммунизм – нет.

(Я бы здесь вспомнил о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы», а не только от капитализма к «социализму» как действительном масштабе перехода).

Социализм во втором смысле – это реформы внутри капитализма, оттягивающие закат последнего. И критика этого реформизма Жижек вполне уместна. Но опять же есть «нюанс»: есть реформы и реформы. Есть «финансовый социализм», отнимающий деньги у рядовых граждан и передающий их олигархам, проигравшимся в «казино-капитализме». Но есть и реформы, сокращающие рабочий день, развивающие

общедоступное образование, содействующие снятию интеллектуальной собственности и т.п. Наконец, есть реформы, помогающие выращивать свободные добровольные работающие ассоциации и создавать предпосылки коммунистической революции...

Так чем же в результате оказывается коммунизм?

Для Жижека – «красноцветным взглядом» на проблемы современности (на английском книга называется «Reflection in a Red Eye»), эпатажным «концептом», акцентом на революционном, организованном и дисциплинированном, опирающемся на доверие к народу пути освобождения...

Для автора этих строк – скорее снятием классических марксистских положений о коммунизме в их развитии и критическом приложении к реалиям социально-политической борьбы XXI века. Именно последнее показывает практическую актуальность постановки коммунизма в повестку дня для решения всех ключевых вопросов современной борьбы за «другой мир». Вопросы экологии и интеллектуальной собственности, «мультикультурности» и эксплуатации, субъекта социального творчества (движения или партии?) и стратегии борьбы – все они требуют рассмотрения сквозь призму «коммунистичности». И за постановку этой задачи и провокацию на дискуссию по *этому* вопросу я искренне благодарен Славою Жижеку

* * *

PS. И еще одна благодарность словенскому ученому: этот текст я писал в бывшем советском санатории. В пространстве со старыми стенами, старым советским меню (на завтрак котлеты, макароны, вареные яйца, каша, много хлеба и скверный кофе...), старыми советскими (строго-ворчливо-заботливыми) сотрудниками... Писал в собственное удовольствие, на целых пять дней выключившись из балаганного фарса российского капитализма и драмы социальной борьбы российских левых. Писал, посвятив эти часы и дни чтению интересной книги и работе над важной проблемой, работе как отдыху и отдыху как работе...

В общем, спасибо товарищу Жижеку за 5 дней коммунизма!